

The background of the book cover is a misty, golden-hour landscape of a forested mountain range. The foreground is filled with dense evergreen trees, while the middle ground shows rolling hills and distant mountain peaks shrouded in fog. The overall color palette is warm, with soft yellows, oranges, and browns. In the top right corner, there is a small, faint illustration of a dreamcatcher. On the left side, a portion of a large, textured rock formation is visible.

Дмитрий Федоров

Тимбервольф

16+

Дмитрий Владиславович Федоров Тимбервольф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43623949

SelfPub; 2020

Аннотация

Война закончена. Армии расформированы, вооружение уничтожено. Бывший снайпер Танели Ранта перебирается в таежный поселок, где становится егерем национального парка. Размеренную жизнь поселка нарушает хищник, открывший охоту на обитателей тайги. Егерь бросает вызов угрозе, но сталкивается не просто с неожиданно сильным противником, но и с противодействием, чинимым различными структурами. Танели, несмотря на все препятствия, уничтожает волка. Но остановив его, обнаруживает в лесу находку, которая может стать проблемой для всех, кто так жаждал заполучить в свое распоряжение идеального убийцу.

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Знак зверя	23
Конец ознакомительного фрагмента.	66

«Все, что может быть использовано как оружие, будет использовано как оружие».

(Станислав Лем)

Волк тяжело, прерывисто дышал. По телу прокатывалась крупная нервная дрожь, а уставшие мышцы со стоном просили отдыха. Легкие насыщали кислородом изможденный длительной погоней организм, заставляя учащенно биться сердце. Снег припорошил серую шерсть волка, пряча измученного зверя посреди бескрайней унылости белого поля, пересеченного грязными, незамерзающими оврагами. Но блеск глаз загнанного зверя, на мгновенье отразивших редкий луч света, прокравшийся сквозь пасмурное небо, не ускользнул от взгляда охотника. Взгляда, направленного вдоль потертого ствола старого дедовского карабина. Его глаз, с заледеневшими ресницами, едва просматривающихся за маской, скрывающей лицо стрелка. Мягкая шерсть надежно укрывала кожу от ледящего бокового ветра и прятала пар изо рта, способного выдать его лежку. Казалось, даже время притихло, напоминая о себе лишь завыванием ветра, стонущим скрипом деревьев, да тяжелым, пульсирующим стуком в висках. Соперники замерли, нетерпеливо выжидая, кто же из них первым дернется со своего места. И как только волк, не выдержав напряженного ожидания, чуть показал из-за укрытия нос, охотник приник к прикладу карабина, готовый нажать на курок. Плавным, отработанным до автоматизма движением, кожей чувствуя каждый сантиметр

своего тела, он мягко оттянул боёк, и, замерев на несколько секунд, словно что-то вспомнив, отвел взгляд от прицела. Оставив лежать волка одного, в снегу, с обреченным ожиданием скорого конца, он сполз в окопчик и медленно перевернулся на спину. Стянув маску, охотник, чертыхнувшись, выдохнул густой пар разгоряченного тела. Шепнув едва слышно несколько слов из старой карельской сказки, рассказанной когда-то его бабкой; слов, которые он произносил редко, шептал, как молитву, охотник одним движением отвел от себя винтовку и выстрелил в воздух. Волк словно ждал этого звука, пружиной разжавшись из своего укрытия. Длинными прыжками он покидал поле, стремясь к широкой лесной опушке – к спасительной полосе непроглядной стены сосен. А солнце, наконец, пробилось сквозь плотную пелену низких пепельных туч, заиграв радужными цветами на крупных каплях пота, перекатывающихся по оттаявшим ресницам охотника.

Пролог

«...это была Последняя война, война без ясных целей и планов. Война на истребление, война на выживание. Она словно средневековая старуха в черной хламиде, с косою из стали, не знающей усталости, собирала свой мрачный урожай. Кладбища окружили когда-то цветущие города, теперь нося их названия. Бедствия, пришедшие с этой войной, бесконечно умножали человеческое горе, стирая в памяти имена умерших, опустошая души выживших. И лишь тогда смерть утолила свой волчий аппетит, когда последний из миллионов уставших солдат с проклятьем отшвырнул в сторону оружие. И орудия смолкли навеки, уступив место давно забытой тишине. С тех самых пор слова война, оружие и убийство стали бранными и смысл их с каждым последующим поколением размывался, растворяясь в обыденном течении мирных дней. В мире, отказавшемся после разрушительной, опустошающей войны от оружия, любое упоминание о нем являлось противоестественным и предосудительным, а проявления насилия наказуемы, вплоть до полной изоляции от общества. Казалось, стремясь забыть о войнах и убийствах, люди навсегда надеялись избавиться от жестокости и насилия. Так и произошло, в мир людей вернулись спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Но запертые в глубинах души человека вечная неудовлетворённость и

страсть к насилию не переставали искать путь на свободу...»

Командир мрачно отвел от глаз бинокль, сощурившись от боли в глазах. Пора заканчивать эту бойню. Это понимали все. От рядовых бойцов и окопных офицеров до генералов. Город лежал в руинах от многомесячных бомбежек. Бои велись остатками подразделений зачастую без огнестрельного оружия – одними ножами. Один автомат приходился на троих, а то и четверых солдат. Но с кем договариваться? С такими же, как и он, озлобленными командирами? Выхода из этого тупика он не видел. Еще неделя боев, и в его батальонах останется по двадцать – тридцать человек. Бранд осмотрел обугленных, невымытых, обреченных солдат, уже забывших слово вера, и прикусил губу. Он уже давно смирился с тем, что навсегда останется в этих руинах. Неба уже не было. Лишь днём отблески солнца, пытающегося пробиться сквозь непроницаемую занавесу из дыма, озаряли небо алыми цветами. Все остальное время выжившие сидели у бочек с огнем, согреваемые их теплом, ловя жалкие отблески света. Был момент, за который ему потом было непереносимо стыдно. Момент, когда он собирался стволом пистолета разжать себе зубы. Стыдно было не только перед подчиненными, но и перед гражданскими, которые прибивались к ним в поисках еды и защиты.

Последнюю атаку они отбили, потеряв половину в перестрелке, рукопашном бое, от ранений. Бог знает, сколько еще

гражданских попали им под ноги и под шальные пули. Их никогда и никто не считал. Калькуляция велась только по личному составу. Бранд прикинул в уме, что еще одна такая вылазка, и он останется наедине со своим браунингом.

– Вы не удержите этот квартал силами одной бригады, – Бранд обернулся, одернул куртку с погонами майора и отдал воинское приветствие. По коридору, обходя раненых и спящих бойцов, в сопровождении охраны из числа спецназа, двигалась женщина в погонах полковника.

– Госпожа полковник, – скорее вопросительно, чем почтительно произнес Бранд, удивленный прибытием начальника штаба армии.

– Сколько сейчас в ротях людей? – коротко, вместо приветствия бросила она и бесцеремонно прошла мимо него в караульную комнату, – за мной, майор, и прикройте дверь. – Она повернулась к нему, убрав руки за спину, внимательно осмотрела Бранда и резко продолжила, – давайте без званий, Бранд, это сейчас ни к чему, просто Александра.

Бранд коротко кивнул, и, свистнув, позвал караульного:

– Принеси нам кофе, и никого не впускай.

Александра, в свою очередь, кивком головы отпустила свою охрану.

– В ротях осталось по десять, в лучшем случае пятнадцать бойцов, – мрачно отрапортовал он. – Какими судьбами, госпожа? – он осекся, и, прокашлявшись в кулак, продолжил, – Александра.

Та ответила улыбкой, обезображенной страшным шрамом на левой щеке, улыбкой, скорее похожей на звериный оскал.

– У нас одна судьба Бранд. С некоторых пор, – добавила, чуть задумавшись, она. – Удержать этот город или умереть. Какими бы силами вы не располагали.

– Почему моя бригада? – хрипло спросил он.

Александра промолчала, пристально оглядывая Бранда, словно изучая его.

– Подойдем к карте, – ответила она.

Бранд почесал щеку и, поднявшись, подошел к столу с разложенной картой. Смахнув с нее крошки от вечернего перекуса, он жестом пригласил Александру подойти.

– Что ж, – сказала она, склонившись над столом, – неплохая карта. Только вот информация по рубежам обороны у вас устаревшая.

– Я знаю, – почти обреченно ответил Бранд, – я уже неделю не заглядывал в нее. Окопы друг от друга на расстоянии пистолетного выстрела. Движения никакого. А смысл? – почти выкрикнул он. – Взводами командуют ефрейторы, а ротами сержанты. Офицеры – на вес золота. Эта крысиная война не для моих бойцов. У меня штурмовая бригада. Меньше всего эти парни умеют окапываться и возводить баррикады. Да еще эти снайперы. Я вчера отправил восемнадцать похоронок, из них на семь офицеров. Еще неделя таких боев, и от бригады останется батальон.

– Потому я здесь, Бранд. Для взаимодействия со штабом

фронта и пополнения резервами нужна устойчивая связь. – Бранд хмыкнул и неопределенно махнул головой. Доступный им радиус в УКВ-диапазоне составлял не более пяти километров. Этого хватало лишь для координации сил бригады. Спутниковые телефоны, по одной только богу известной причине, отказывались ловить сигнал. По сути, они были заперты в городе, остатки армии, некогда легендарной 8-й армии – триумфатора Североафриканского конфликта. От армии остались одни ошметки. А город держался только усилиями его бригады, ударным кулаком которой было пресловутое подразделение «Timberwolves».

– «Лесные волки», едва ли не единственное боеспособное подразделение, которое находится в вашем распоряжении. Бранд. Нужно собрать из их числа штурмовую группу.

– Задача? – коротко спросил он.

– Телекоммуникационная башня, – ответила она, и подняла на него глаза.

«А она оказывается красивая», – вдруг подумал он.

Карие, широко посаженные глаза, пухлые губы, с впадинками по краям рта, высокие скулы, широкий, отнюдь не портивший впечатления нос, по-видимому, доставшийся ей от предков с Востока. И даже шрам не выглядел уж так ужасно, подчеркивая ее необычную притягательность.

Он не выдержал ее прямого, немигающего взгляда, и отвел глаза. В дверь, как нельзя кстати, вошел караульный с кофе. Поставив стаканы на стол, он покинул караулку, иско-

са поглядывая на женщину в погонах старшего офицера.

– Два кордона, – произнес он, – нам предстоит преодолеть два хорошо организованных рубежа обороны. И минное поле. Самоубийственное задание.

– Да, задача как раз для «Timberwolves», – согласилась она, таинственно улыбнувшись. – Разомнетесь, – уже без доли улыбки добавила она. – Совсем, наверное, в окопах-то зашивели. А, майор? – ехидно спросила она. – Бранд посчитал, что лучше промолчать и в ответ только лишь хмыкнул.

– Отряд выдвинется ночью, – продолжила она, сосредоточившись на карте, – погода и новолуние будет вам благоприятствовать. – В ее голосе чувствовалась чудовищная усталость и еще, наверное, заторможенность, вызванная хроническим недосыпом. – Нужно будет разделить на несколько групп по два-три человека. Скрытность и бесшумность – главные ваши козыри. Без надобности в бой не вступать. Помните, главная цель добраться до башни и включить передатчик. Есть техники с подходящей квалификацией?

Бранд механически кивнул, уже прикидывая в уме, кого лучше послать.

– Хорошо. У вас, – Александра посмотрела на часы, – двенадцать часов. Кто пойдет?

«До ближайшей телекоммуникационной вышки нужно проползти под пулями полмили», – размышлял Бранд, поглядывая на покусывающую губы Александру, – Безумная идея. Но других у него не было. Он прикинул, сколько у

него осталось здоровых бойцов. Тех, кто еще был в сознании. Не уснул, не лежал раненый, не упал без сил, не стонал и с обезумевшими глазами не скрежетал зубами по ржавым бочкам в бессильной злобе. Ему нужно было шесть бойцов. Кто? Выбор был не велик. Скотт, Артур – отличные штурмовики, равных которым в ближнем бою никого не было. Иван Радуга – единственный инженер-электронщик, его кандидатура не вызывала вопросов. Кто еще? Пожалуй, Желудь, несмотря на свой отвратительный характер и полное отсутствие субординации, самый опытный среди отряда. И, наверное, Танели. Снайпер от бога».

– Как вы сказали? – Александра вздрогнула и вздернула головой, – Танели? Ранта?

– Вы знакомы? – удивленно спросил Бранд, и в ответ на хмурое молчание Александры улыбнулся, – надо же, наш Танели полон сюрпризов.

– Будьте любезны, господин майор, – по слогам произнесла она, не глядя на него, – вызовите этого бойца, мне нужно поговорить с ним, – она подняла на Бранда глаза, – наедине.

– Конечно, – Бранд проглотил комок в горле, опешивший от ее реакции, – он сейчас в отдыхающей смене. Подождите несколько минут, я схожу за ним.

– Спасибо, Бранд, – натянуто улыбнулась Александра. – Думаю, разговор не займет много времени, – добавила. – А пока... Пока можете идти.

Александра в ожидании отмеряла шагами комнату кара-

улки, нервно теребя пуговицы на куртке. Она так долго ждала этой встречи, что теперь, когда она случилась, Александра просто испугалась. Страшась прислушаться к своим эмоциям, она не решалась посмотреть в сторону двери, тем не менее, прислушиваясь к каждому звуку, раздающемуся за стеной.

– Мэм, – Александра почувствовала, как от его голоса по спине побежали мурашки, а сердце сжалось, и обернулась, встретившись с его взглядом. Танели побледнел, узнав ее, и смог лишь выдавить из себя только одно, – Александра?

Она подошла к Танели, прикоснувшись ладонью к его лицу, как слепые ощупывают лица, в поисках знакомых черт. Он вздрогнул от холода руки, но глаз не отвел, замерев от ее прикосновения.

– Танели, – всхлипнула она и повисла на его шее. – Я думала, что потеряла тебя, – сказала она, подняв на него заплаканные глаза. Ты, ты, – запнулась она, не в силах больше выдавить из себя ни слова, и разревелась, крепко к нему прижавшись.

Майор стоял у запертой двери караулки, поглядывая на хронометр. Странное знакомство начальника штаба армии и рядового снайпера настораживало и беспокоило его. В другое время эта ситуация скорее позабавила бы его, но не сейчас. То, что у Александры и Танели что-то было, он сообразил сразу. Но сейчас эта их встреча скорее навредит, чем поможет предстоящей операции.

Неожиданно дверь распахнулась и мимо него, даже не удосужившись на пару слов, пробежала раскрасневшаяся Александра, едва сдерживая слезы. Хмыкнув, Бранд зашел в комнату и с иронией посмотрел на угрюмого Танели.

– Я вот что подумал, – произнес Бранд, – а не дурак ли ты? Или это просто молодость?

– Разрешите идти, – спросил вытянувшийся по стойке смирно Танели.

– Иди уж, – вздохнул Бранд. – И Танели, – тот обернулся на окрик Бранда, замерев на полушаге, – приведи себя в порядок. Сегодня нам предстоит дело. Отдыхай пока. Сбор через пять часов.

Пойдут они. Те, кого он выбрал. Он даже не допускал мысли, что кто-то откажется. И все будет зависеть от них. Их дальнейшее выживание. Их дальнейшее существование, которое уже давно мало кого интересовало. Но жизнь как гидра крепко-накрепко цеплялась за любую возможность увидеть еще один сумеречный рассвет, который, впрочем, ничего кроме горя и страданий не принесет. Но инстинкт самосохранения перевешивал все логические доводы.

Бранд собрал Скотта, Ивана, Желудя, Артура, Танели вокруг стола с интерактивной картой, подсвеченной контрольными точками. Все мрачно молчали, понимая, что обратного пути не будет. Желудь хмуро играл желваками, исподлобья рассматривая собравшихся бойцов.

– Вот так братцы. Таков приказ штаба армии, – Бранд

встретился взглядом с Танели, – и он не обсуждается. Может, не пойдешь, Желудь? – спросил Бранд, взглянув на огромного патлатого норвежца, отрешенно чесавшего свою шею.

– Не дожدهшься, – беспардонно ответил тот, – куда вы без меня.

Бранд осмотрел собравшихся молодых парней, с напряжением ожидавших его распоряжений.

– Хорошо, в общем, картина вам ясна. Впереди два кордона. Как будто и немного, но попотеть придется. Оружия берем минимум, мы должны будем передвигаться быстро.

– Мы? – вскинул голову Танели, – командир, ты с нами?

– Да, и, разумеется, это не обсуждается.

– Хоть повеселимся, – совсем невесело произнес Желудь, внимательно осматривающий затвор пистолета, – а то скоро протухнем в этих окопах.

– Веселье я вам гарантирую, – добавил Бранд. – Разделимся на три группы. Врать не стану, будет тяжело, но нам нужно создать видимость наступления. Одна группа прикрывает, две прорываются. Скотт и Артур в прикрытии. Иван с Танели, я с Желудем. Всем все ясно? Хорошо, выдвигаемся под утро. Сейчас проверяем оружие, обмундирование, затем еда и сон. Подъем в два ночи.

Ночь выдалась темная. Луна, предательский фонарь, теперь уже не скоро появится, а небо, туман пепельного цвета, давно отучил людей от ясного света ночных звезд, которые

они видели лишь во сне.

В начале третьего Бранд тихо разбудил сонных бойцов, дав им время на opravку. В 2.30 группа уже стояла перед ним в мрачном ожидании.

– Итак, – подытожил он, – в каждой группе назначен старший. Первая – Скотт, вторая – Иван, третья – я. Выдвигаемся с интервалом в три минуты. Скотт завязывает короткую перестрелку у первого кордона, остальные незаметно просачиваются, минуя первую линию, выходя в соприкосновение со вторым кордоном. Там мы остаемся с Желудем. Ивану и Танели, таким образом, до башни останется всего сто шагов. Дальше вы, парни, будете предоставлены сами себе. Твоя задача, Радуга: запустить основной контур башни и саму станцию. Аппаратура старая и давно не эксплуатировалась. Собственно, потому вы и попадали в третью группу. Ты как наш единственный электронщик, Танели как лучший стрелок. Он тебя прикрывает и зачищает станцию. Иван, позывные и частоты ты знаешь. Главное, наладь мне связь.

Иван вначале неопределенно кивнул, но затем четко ответил, что связь будет.

– Хорошо, – Бранд хлопнул в ладоши, – экипируемся.

Бойцы мрачно облачались в накидки защитного цвета. Вымазывали лица, скалясь и тыкая пальцами друг на друга.

«Как дети. А сколько-то им лет. Самому старшему Желудю еще и тридцати нет. Остальным и того меньше», – неожиданно подумал Бранд и от этой мысли ему вдруг стало невы-

носимо тошно.

– Так, рюкзаки накинули, попрыгали, проверили разгрузку. Берем только по две гранаты, пистолет, винтовку и два магазина. Желудь, это тебя особенно касается.

Желудь, что-то пробурчав про себя, откинул в сторону две лишних гранаты, пистолет и длинный нож.

– И куда в тебя все это влезает, – подивился Бранд и погрозил тому кулаком. Нож можешь оставить, – добавил он просиявшему Жёлудю. – Всё, группа, выступаем. Первый Скотт – пошел.

Случилось то, чего так боялся сказать вслух Бранд – Скотт и Артур так и остались лежать там, у первого кордона, глядя открытыми безжизненными глазами в черное небо, подсвечиваемое сигнальными ракетами. Но две группы прошли, проползли, перемешивая грязь с вдруг навалившимся дождем. Со вторым кордоном нужно было повозиться. Пришлось занять огневую точку и держаться, пока третья группа не доберется до башни. Мало того, пока Бранд не убедится, что питание в башню подано, они должны будут держаться любой ценой. Первым патроны закончились у Бранда. Гранат уже не было, оставалось три патрона в браунинге. Желудь был более хладнокровен, отстреливая только тех, кто приближался на расстояние пистолетного выстрела. Бранд оглянулся и вздохнул с облегчением – ребята уже были внутри. Нужно было еще немного потянуть время, и он решился.

– Эй, на той стороне, мы сдаемся, – Желудь, почти с нена-

вистью, посмотрел на командира, но через мгновение гнев сменило понимание – понимание неизбежного. – Не стреляйте, нас только двое, – выкрикнул Бранд, помахав рукой.

«Только бы успели», – подумал он и швырнул пистолет в сторону врага.

– Выходите по одному, – гаркнули с той стороны, погрозив автоматами, – руки за голову.

Бранд на одной коленке выпрыгнул из бруствера и сверху кивнул Желудю. Тот, выматеревшись, скинул с себя разгрузку и вылез из окопа.

– А тебе что, особое приглашение нужно? – скомандовал офицер противника, тыкнув в Желудя пистолетом, – руки в гору.

– Ладно-ладно, – сплюнул Желудь, но руки убрал.

«Только бы успели, только бы успели», – как заповедь произносил про себя Бранд и когда в очередной раз он обернулся в сторону башни, то почувствовал, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди от радости. Башня, до того момента мертвая, вдруг вспыхнула всеми цветами радуги.

– Да что это такое? – выкрикнул командир противника и передернул затвор.

– Командир, – выдохнул Желудь, успев прикрыть Бранда, и принять на себя пулю офицерского пистолета.

– Желудь, – прошептал Бранд, спускаясь на колени вместе с умирающим товарищем. – Желудь, – только и смог произнести он, почувствовав, как предательски к горлу подкаты-

вает комок.

«Успели», – лишь одна мысль не отпускала его, кощунственно заслоняя смерть друга.

– Силовую установку давно не запускали, – задумчиво произнес Иван.

Танели с пистолетом в руке придирчиво обошел все помещения агрегатной.

– Чисто, Иван, – выкрикнул он, – у нас получится?

– Да, наверное, – Иван, задумчиво почесал подбородок. – Танели, я запущу установку, а ты найди станцию, она должна быть несколькими этажами выше. Ищи помещение со знаком, – Иван пальцами нарисовал в воздухе замысловатый значок, – похожим на антенну со стрелками.

В ответ Танели кивнул и кинулся на лестничную клетку.

«Ну, что, смахнем с тебя паутину», – улыбнулся Иван и щелкнул первый автомат.

– Есть, Иван, – перегнувшись через перила, выкрикнул запыхавшийся Танели, – нашел.

– Сейчас, – ответил Иван, и, выдохнув, перевел основной рычаг в верхнее положение. Помещение осветилось неоновым светом, закрутились бобины записывающих устройств, а на лестничных клетках вспыхнули лампы дежурного освещения, – идем, у нас мало времени. Станция допотопная, – скривился Иван, – не уверен, что она работоспособна.

– Не проверим – не пойдем, – произнес Танели.

– Давай попробуем, – вздохнул Иван и открыл приборную панель. – Внешних повреждений нет. Сейчас подам питание и попробую настроить частоту.

Как ни странно, станция ожила сразу. В динамиках раздался шум, кратковременно прерываемый короткими, едва различимыми выкриками в эфире.

– Частоту помнишь? – спросил Танели.

– Подожди, – Иван поднял руку вверх, – подожди. – Он постепенно стал поворачивать ручку настройки, не меняя КВ диапазон, – мне кажется, это уже не важно. Вот, – он слегка повернул ручку настройки и прибавил звук.

«Всем, всем, всем. Всем враждующим сторонам, дезертирам, бандам и отдельным преступным элементам. С вами говорит представитель временного правительства. Приказ правительства и совета повстанцев, заключивших перемирие: на всем театре военных действий установлен режим прекращения огня и всеобщая амнистия. Для координации действий противоборствующих сторон к вам будут направлены эмиссары с особыми полномочиями. За поддержанием порядка и соблюдением условий перемирия будут следить специальные отряды, составленные из бойцов спецподразделений. Любое сопротивление будет воспринято как прямое нарушение приказов объединенного правительства и будет караться смертью. Все не подчинившиеся будут задержаны и переданы в распоряжение персонала специально созданных лагерей. Повторяю...».

– Танели, – тихо произнес Иван, – переведи на громкую связь, вон тот переключатель.

– Сейчас, – Танели как в тумане нажал кнопку, одновременно вытаскивая из-за пазухи пистолет.

«...поддержанием порядка и соблюдением...»

«Неужели все, – подумал Танели, – неужели конец, – как во сне он покрутил на ладони пистолет и с остервенением швырнул его в угол комнаты. Иван сидел на корточках, прислонившись спиной к стене, и закрыв лицо руками, мелко вздрагивал, давясь слезами. Танели пытаюсь успокоить, взлохматил на голове Ивана волосы. Тот лишь отмахнулся и глубоко вздохнув, вытер лицо, задрал голову к потолку».

– Это все, Танели, мы справились.

Танели механически кивнул и вышел на смотровую площадку, плюнув на все еще исходящую от засевших в соседних зданиях снайперов угрозу.

«Не одни мы устали от этой резни», – он провел ладонями по лицу и взглянул на небо. Ветер гнал низкие, почти касающиеся антенн башни тучи, смешивая их с дымом жженой резины, догорающей уже облупившейся краски на искореженных машинах и самопальных печек из бочек, разбросанных по всему городу. На площадь, которая с высоты была как на ладони, обрушился косой ливень, необычно сильный для этих мест, заглушая звук громкоговорителей шипением затушенных костров.

«Неужели все», – фраза сидела в мозгу, как назойливая

заноза.

Смогут ли люди без того, чтобы не утолить жажду насилия, впитанным с молоком матери? Сейчас все устали. Все хотят мира и спокойствия. Но пройдет время... Не смогут. Наверное, он тоже не сможет, потому, как просто не помнит другой жизни, кроме каждодневного, ежечасного, ежеминутного выживания. Что дальше? Он прислушался к себе и ничего не почувствовал. Ничего, кроме пустоты и мерзкого, металлического привкуса во рту.

– Танели, – неожиданно ожила рация с голосом Александры, – ты жив? Не молчи, ну скажи хоть что-нибудь. Тане..., – он, покрутив в руках рацию, выключил ее, так и не ответив. А тучи совершенно неожиданно рассосались, и на площадь упали первые лучи восходящего, утреннего солнца. А внизу, прислонившись к командиру, умирал Желудь. Боли уже не было, глаза застилала пелена, лишь пальцы все еще механически скребли по земле, словно цепляясь за тающую жизнь. Желудь. Неунывающий, бесстрашный Желудь. Последний убитый солдат. Последней войны.

Часть первая. Знак зверя

«Страх оружия – есть признак неполного умственного и эмоционального развития».

(Зигмунд Фрейд)

Когда в дверях раздался шум поворачивающегося ключа, в груди у Вики привычно сладко и волнительно заняло. Сколько времени они уже вместе, а радостное чувство ожидания мужа не проходило, лишь становилось взрослее и глубже. Отбросив в сторону книгу и откинув плед, она выпорхнула в коридор. Игнат, на ходу сбросив обувь, подошел к ней и, обняв, поцеловал.

– Игнатик, что это? – испуганно спросила она, посмотрев на его одежду защитного цвета, запачканную кровью. Он лишь махнул рукой, и, сбросив куртку, поднял ее на руки. Она улыбнулась, растрепав его кудрявые волосы, и охнула, когда он понес ее в комнату, целуя на ходу.

– Игнатик, помыться бы тебе надо, – выдохнула она, как кошка, потеревшись носом о его шею, от которой несло потом, кровью и еще какими-то незнакомыми таежными, почти неуловимыми дикими запахами леса.

«Что-то с ним происходит», – думала Вика, сидя на кухне. После бурного, почти звериного акта любви, Игнат заснул как младенец, а она еще некоторое время лежала рядом, подперев голову, поглаживая его шею, с цепочкой от медальона,

который он никогда не снимал. Проведя пальцами по шрамам на плече Игната, Вика вспомнила путешествие в пещеру Седого Джонни, так много изменившее в их жизни. Их детская клятва никогда не расставаться, переросла в клятву, данную ими богу перед лицом священника.

Когда Игнат, засопев, все же свалился из дремоты в глубокий сон, она осторожно выбралась из-под одеяла, и, накинув халат, на цыпочках вышла на кухню. Жутко хотелось выпить чай и покурить. Смятая пачка тоскливо ожидала на шкафу, словно надеясь, что когда-нибудь ее пальцы все же притронутся к ней. Сколько она уже не курила? Может, с того дня, когда узнала о беременности? Нет, точно нет. Смяла пачку она в то утро, когда неожиданный приступ тошноты поднял ее на ноги. Тогда она едва успела добежать до кухонной раковины. С тех самых пор Вика на дух не переносила сигаретный дым. Вздохнув и щелкнув зажигалкой, она глубоко затянулась, прислушиваясь к собственным ощущениям. Тошноты не было, лишь странно закружилась голова, и помутнел взгляд. Вика бессмысленно уставилась на плиту, рассматривая пузырьки в уже закипающем чайнике.

«Что-то с ним происходит, – мысль пугающе крутилась в голове, не отпуская и не давая покоя, – уже неделю сам не свой». Задумавшись, она не заметила Игната, стоявшего в дверях, слегка облокотившегося об дверной косяк. Завидев ее с сигаретой, он, не сказав ни слова, молча развернулся. Вика выругалась про себя, нервно затушив сигарету. Его

идиотская привычка подкрадываться незаметно раздражала и выводила ее из себя. Она так и не научилась принимать его странности, распутившиеся буйным цветом в тайге. Из ванной раздался шум воды. Вика, дождавшись, пока ее отпустит приступ злости, подошла к раковине и прополоскала рот. «Надо разговорить его», – подумала она, и со вздохом сполоснула лицо. Мысленно пообещав себе, что больше к сигаретам не притронется, она вытерла полотенцем руки, и, замявшись, швырнула пачку сигарет в мусорку.

Игнат с детства рос в непростых условиях. Генри, отец Игната, целыми днями пропадал в заповеднике, а когда возвращался, то единственным его отдыхом была выпивка. Матери у Игната не было, а отец воспитанием сына практически не занимался. Поэтому тот большую часть времени проводил в интернате, видясь с отцом лишь на каникулах. О матери Игнат не любил говорить, Генри же на любые ее вопросы о судьбе матери Игнатика лишь зло ругался, проклиная свою юношескую глупость. Единственное, что смогла понять Вика из отрывков скомканных фраз Игната и ругани Генри, это то, что она была индейкой, из местного племени. Когда Игнат родился, она оставила младенца на руках молодого отца, а сама перекочевала с племенем на север Скалистых гор. Вырос бы Игнат, вопреки безразличию отца, отсутствию материнской любви и жестокости интерната, таким настоящим, не всегда понятным, но добрым и умным, если бы не дружба и опека дяди Дэнни, ставшим ему вторым отцом – был

большой вопрос. Она улыбнулась, вспомнив, как много лет назад они с Игнатиком огородами сбегали от разбушевавшегося дяди Денни, запертого ими в его сауне. Воспоминание о голом егере с куском крапивы, бегущим за улепетывающими от него перепуганными детьми, рассмешило ее, погасив остатки злости.

– Это он? – шепотом спросила девочка, рукой отталкивая непослушные колючие стебли крапивы, противно путающиеся в волосах.

– Точно он, – кивнул ей мальчик, сидящий рядом на коленках, отмахиваясь от надоедливой мошки.

– Ой, ну и влетит же нам, – она зажала рукой рот, испуганно взглянув куда-то в сторону, где ее наверняка уже искала мать.

– Не влетит, мы только посмотрим и сразу вернемся. Никто не узнает. Если ты не проболтаешься.

Девочка надула щеки, но проглотила обиду, понимая, кто здесь главный.

– Отец про него такие вещи рассказывал, – он тщетно пытался разглядеть сквозь щель в заборе мелькающий силуэт егеря, – про которые, тебе, мелкая, лучше не знать.

– Расскажи и мне, Игнатик, пожалуйста, – заканючила она, теребя рукав рубашки никак не реагирующего на ее капризы Игната. – Ну, расскажи, расскажи, расскажи, – продолжала она упорствовать, дергая его за руку.

Наконец Игнат, устав от хныканий и приставаний, уступил ее настойчивости. Оторвавшись от забора, он развернулся к девочке лицом, примяв высокую траву. Осмотревшись по сторонам, чтобы убедиться, что никого рядом нет, Игнат наклонился к ней и поманил пальцем. Девочка придвинулась ближе, и замерла, боясь даже пошевелиться.

– Он воевал, Вик, он самый настоящий солдат, только обещаю тебе, что никому не расскажешь, – Вика торопливо закивала, – я подслушал, как о нём шептался отец со своими друзьями.

– И у него правда есть оружие? – еле слышно спросила девочка, широко раскрыв от удивления глаза.

– Шшш, – зашипел на Вику Игнатик, испугавшись ее слов, – тихо Вик, – Игнатик закрыл ладонью ей рот, и инстинктивно покрутил головой, словно боясь, что их подслушивают. – Он ведь егерь. Конечно, – наиграно скучающим тоном сказал мальчик, – конечно есть, у всех егерей есть оружие. У всех полицейских, егерей и охранников. Только они им не пользуются, – добавил он. – А винтовку он прячет где-то в доме. А по ночам, – Игнат перешел на шепот, – достает ее, и выходит на охоту в лес.

Заслушавшись, Вика встрепенулась от раздавшегося за забором стука топора.

– Игнатик, давай уйдем отсюда, – ойкнула перепуганная Вика, готовая вот-вот сорваться в плач.

– Да ты успокойся, Вик, все будет хорошо, – Игнат смеш-

ливо потрепал пшеничного цвета волосы на голове сморщившейся Вики, и приник к щели в заборе. – Главное, на глаза ему не попасться.

Егерь, голый по пояс, по старинке, с уханьем, колол дрова. В стороне топилась печка со стоящей на плите большой кастрюлей и закипающим чайником.

– Ай, – девочка тихо пискнула, схватив Игната за плечо.

Вздрогнув, он повернул в ее сторону голову, и сам чуть было не вскрикнул. Прямо над ними, на столбе забора, сидел большой чёрный кот, уставивший на них огромные зеленые глаза.

– Кис-кис-кис, – Вика проглотила комок в горле, и, улыбнувшись, позвала кота, совсем забыв, для чего они пробрались к забору.

Моргнув пару раз, словно раздумывая, как ему поступить, котьяра смачно зевнул и вальяжно спустился с забора. Осмотрев присутствующих, кот по-хозяйски устроился у Вики на коленях, и, вытянув лапы, довольно заурчал. Девочка удивилась этой неслыханной наглости, но рука сама потянулась к лоснящейся, с переливом шерсти кота.

– Вольф, кушать! Сюда, Вольф, где ты, сунс облезлый?!,

Кот резко повернул в сторону окрика голову, и сорвался с рук девочки, ловко перемахнув через забор. Вика от обиды позабыла все слова, и осталась сидеть с раскрытым от негодования ртом, вызванным неподобающим поведением кота.

– Вика, кушать! Викааа!, – издалека слышался голос

матери, словно передразнивающий егеря. Девочка жалобно посмотрела на мальчика.

– Игнатик, пойдем со мной, а? Мама вареники сварила, – она состроила трагическую гримасу, чем совсем обезоружила его. – А за ним, – она махнула головой в сторону дома егеря, – потом последим, а?

– Ладно, – он с досадой отвернулся от щели в заборе, – пойдем уж.

Сплюнув в раковину, Вика отправилась в ванную, собираясь всё же поговорить с мужем. Дверь была слегка приоткрыта, и она тихо подкралась, присев на краешке рядом с мужем. Он, казалось, не услышал ее или сделал вид, что не услышал, продолжая намыливать волосы. Вика убрала его руки и принялась тщательно натирать его голову, покачивающейся в такт ее грубоватым движениям.

– Вика, – Игнат протер глаза от мыла и попытался повернуться в ее сторону, что, впрочем, у него не получилось. Несмотря на свою внешнюю хрупкость, Вика обладала чудовищной, совершенно не женской хваткой. – Ты нежнее можешь?

– О том же я тебя просила в спальне, – прыснула она, всполаскивая его голову, теперь уже не так грубо прикасаясь к его волосам. Игнат насупился, но смолчал, покорно ожидая окончания экзекуции.

– И долго еще будешь молчать? Неделю уже как в рот воды

набрал, слова из тебя не вытянешь, – наконец спросила она, заставив Игната скрипнуть зубами. – Сегодня так вообще в крови пришел.

Она присела на корточки, теперь уже напротив, пытаюсь заглянуть в его глаза.

– Игнатик, ну, не рви мне душу, я же переживаю за тебя, волнуюсь.

– Что-то происходит в заповеднике, Вика, – пробубнил он и потянулся за бритвенным станком. – Подай зеркало, – привстав, Вика глазами пробежалась по полкам, – уже пятую мертвую косулю нашли. А сегодня какой-то зверь, похоже, волк, залез в нашу овчарню и задавил две овцы, – Вика замерла, сжав в ладони маленький овал зеркала, – и я не знаю, что делать, Вика. Словно он издевается над нами, не оставляя ни следов, ни крови, ни даже запаха. Призрак, одним словом.

– Поговори с дядей Дэнни, – Игнат насупился, – не капризничай, Игнатик, пора бы уже вам помириться. Что вы как козлы упёртые, никак вас мир не берет.

– Да он сам, – возразил было Игнат, но замолк, когда на голову полилась горячая вода.

– Хочешь, я схожу, поговорю с ним? – спросила она, подавая Игнату полотенце.

– Ладно уж, еще чего не хватало, – пробурчал он, выбравшись из ванной. – Сам схожу, – закончил он, обворачивая полотенце вокруг пояса. – Чай мне сделай.

– Уже, – проворковала Вика, шлепнув его по заду, – и хватит вам ссориться, лучше позови его с собой в тайгу, он будет очень рад.

– Обойдусь без советчиков, – повеселевшим голосом ответил Игнат и поцеловал жену в курносый нос.

«Ну да, – внутренне усмехнулась она, глядя как Игнат пьет, обжигаясь, чай, – ты всегда пытался все решить сам, – подумала она и уперлась подбородком в скрещенные на столе руки. – Как тогда, когда у тебя хватило смелости лишь на дыру в заборе. А постучать в дверь тогда решилась я. Маленькая, любопытная, семилетняя девочка».

От чтения Даниэля оторвал стук в дверь. Отбросив на журнальный столик томик книги, он грузно поднялся с дивана. У дверей уже караулил кот, с насторожившимся видом, поджавший уши. «Кого там черт принес, нельзя позвонить что ли», – пробубнил он себе под нос, открывая дверь. На пороге стояли мальчик и девочка, дети его соседей, пожалуй, единственных людей в поселке, с которыми он успел пообщаться за то недолгое время, которое он здесь находился. Отец этого долговязого мальчишки, с угольными кудрями, был шерифом поселения и заповедника, а мать девчонки помогала ему с ранеными животными. Впрочем, не ветеринария была ее профессией. Из отрывков фраз Мэри он понял, что ее работа связана с биологическими исследованиями, целью которых было продление жизни. Научный ком-

плекс уютно располагался в глубине национального парка, окруженный плотной стеной леса, горной грядой и водопадами. Что конкретно происходило за стенами комплекса, он не знал, но подозревал, что такое количество научных институтов в границах совсем небольшого района требовало немалого финансирования. Видимо, исследования, которые велись там, находились как минимум на переднем крае науки. Если даже не за ее пределами. Он особо не расспрашивал о ее профессии, достаточно было и того, что они просто нравятся друг другу. Он не пытался лезть в ее жизнь, она в его. Их симпатия не торопилась перерасти во что-то более глубокое и близкое. Может поэтому Мэри, как могла, оттягивала знакомство Даниэля с дочерью. Сложилось так, что Вика сама познакомилась с ним.

– Ну, что молчите? – проворчал Даниэль, разглядывая стоявших перед ним детей.

– А вы правда егерь? – пропищала стоявшая рядом с парнем девочка с удивительно живыми, голубыми глазами. Мальчик зарделся, переводя метающийся взгляд с девочки на егеря и обратно. А девочка, пряча руки за спиной, неугомонно крутила плечами, с любопытством, без видимого страха, рассматривая егеря.

Даниэль оторопел от такой беспардонности, и задумчиво почесал лысеющий затылок.

– Ну, для начала нужно поздороваться, разве вас в школе вежливости не учат?

Мальчик, окончательно потеряв точку опоры, опустил глаза, не смея произнести ни слова.

– А я не хожу в школу, мне рано еще, – нагло вато заявила девчонка, но, завидев осторожно выглядывающую из-за порога морду Вольфа, переключилась на него, совершенно обескуражив Даниэля своей детской непосредственностью.

– Ой, киска, – девочка присела на корточки, а кот, слышав ее писклявый голос, предпочел ретироваться в глубины дома.

– Ладно, уж, проходите, – Даниэль шире открыл дверь перед прошмыгнувшими мимо него детьми.

– Расскажите о себе, – спросил он детей, расположившихся за его столом. – Что сидеть молчком. Сначала ты, малявка.

Вика непроизвольно захихикала, хотя ей всегда было обидно, когда к ней так обращались. Для своих семи лет, Вика совершенно не вышла ростом, компенсируя этот недостаток совсем недетской логикой и поражающей окружающих неугомонностью. Однажды она вцепилась в волосы старшей девочки, позволившей так обратиться к ней. Дело закончилось сопливыми слезами обидчицы, недельным домашним арестом и холодным бойкотом детского контингента посёлка. Но в устах егеря эта кличка прозвучала совсем даже не обидно, а скорее забавно. Решив, обдумать эту дилемму позже, она удобно расположилась на стуле, надежно оперевшись локтями в стол. Тонкие ноги с разодранными коленками болтались под столом, словно тростинки, в безуспешных попыт-

ках дотянуться краями сандалий до пола.

– Меня зовут Вика, я скоро пойду в школу, а он, – Вика кивнула в сторону Игната, – Игнатик, он уже почти взрослый, учится в шестом классе. Дядя Даниэль, – вдруг прошептала она, наклонив голову, едва не касаясь подбородком стола, – а Игнатик по секрету рассказал мне, что у вас есть настоящее оружие, и вы были на войне. Врет, поди?

Даниэль, опешив от такой откровенности, наклонился через стол и подмигнул ей.

– Может и не врёт, но вообще-то, это военная тайна, – он приложил палец к губам, и улыбнулся девочке, раскрывшей от удивления рот, – а почему ты спрашиваешь об этом?

Вика заелозила на стуле, взглянув на Игната, словно ища у того поддержки. Но Игнат упорно молчал, готовый провалиться сквозь землю.

– Игнатик рассказывал, что вы по ночам уходите в тайгу, охотиться на зверей, – упавшим голосом ответила она.

Даниэль вначале было осёкся, но взглянув на перепуганных детей, громко рассмеялся.

– А еще, Игнатик хочет попросить, чтобы вы поучили его стрелять, – повеселевшим голосом добавила она. В комнате повисла тишина, а Игнат сделался пунцовым как помидор.

Вика, почувствовав, что ляпнула что-то не то, вжалась в стул. Решив больше не искушать судьбу своей болтливостью, она отвела глаза, заметив кота, вылизывающего себя на диване.

– Ты это серьезно? – спросил Даниэль упорно молчавшего мальчика. Вика окончательно потеряла интерес к разговору за столом и переместилась в сторону дивана с определенной целью – подружиться с котом.

– Дядя Даниэль, – мальчик крутил в руках пряник, так и не притронувшись к чаю, – я очень хочу научиться.

Даниэль откинулся на стуле, задумчиво постукивая указательным пальцем по губам. Со стороны дивана тем временем доносилась суета и ворчливые звуки кота.

– Я, – Игнат запнулся, – знаю, что это запрещено, но я, всё же наизусть выучил справочник снайпера, и характеристики основного стрелкового оружия.

– Странное желание, – пожал плечами Даниэль, – по-моему, у детей сейчас другие развлечения, – он с интересом разглядывал Игната, словно пытаясь понять, что же происходит в голове этого мальчугана. – Ты ведь понимаешь, о чём меня просишь? Ведь так? Понимаешь, что мне грозит, если узнают, чему я собираюсь тебя учить? – Игнат с усилием кивнул, и с надрывом в голосе, чуть не плача, произнес:

– Знаю, но буду хранить вашу тайну, – Игнат примолк, и поднял свои глаза. Что в них увидел Даниэль, он и сам потом себе не смог объяснить, но взять, просто выставить парня за дверь он так и не решился.

– Где же ты нарыл всю эту литературу? Ведь, если я не ошибаюсь, почти вся информация об оружии после окончания войны из сети была удалена. – К столу, кряхтя, подошла

Вика, с трудом удерживая на руках оцетинившегося кота. Взгромоздившись на стул с тихо сатанеющим Вольфом, она решила вмешаться в разговор:

– Мы с Игнатиком все библиотеки в городе обошли, Игнатик пообещал маме, что подготовит меня к школе, – торжественно заявила она, с трудом сдерживая вырывающегося из ее объятий Вольфа. – Сиди спокойно, киска, ну куда ты.

– Там я и нашел нужную литературу, дядя Даниэль. Библиотекарша позволила порыться нам в архиве.

– А, мисс Палмер, – оживился Даниэль, взглянув на библиотечную книгу, – весьма неразговорчивая дама.

– Тетя Мэри испекла для нее печенье. Она очень обрадовалась ему.

«Скорее оказанному вниманию», – подумал Даниэль.

– ...и пустила нас в архив. Вы и не представляете, – глаза мальчика загорелись, – сколько там книг, я в жизни столько не видел. Только вы не подумайте, что я обманул тетю Мэри, я и Вике помогал. А в сети и вправду бесполезно искать, компьютер из-за запросов об оружии уже два раза блокировали. Вот отец и запретил подходить мне к нему.

Даниэль задумчиво посмотрел на мальчика. Что-то шевельнулось в его душе, искреннее и настоящее, возможно, давно забытые детские воспоминания, оставленные им в другой, уже не его жизни.

– Ну, хорошо, – одобрительно протянул Даниэль, и отобрал обзлѐнного кота у Вики, боясь, как бы тот ее не расца-

рапал. Вика в ответ надула губы, и, дернувшись, скрестила руки на груди, – попробуем.

Игнат недоверчиво взглянул на Даниэля, боясь поверить в его согласие.

– Вот завтра и начнем, пожалуй.

Мальчишка радостно засиял, подмигнув обидевшейся Вике. В ответ она показала ему язык и отвернулась.

– Но даже не рассчитывай, что в ближайшее время увидишь оружие. Для начала поучимся танцам, – он похлопал по плечу оторопевшего от такой новости Игнатика. – А там посмотрим, стоит ли вообще тебе браться за это дело. Заодно и проверим, умеете ли вы держать язык за зубами. Да, и называйте меня проще, – хотя бы дядя Денни.

– Дядя Денни, – торопливо переспросил Игнат.

– Что ещё? – ответил Даниэль, пододвигая насупившейся Вике конфеты.

– А вы и вправду по ночам охотитесь?

Следующий месяц превратился для Игнатика в настоящий кошмар. Бесшабашные каникулы обернулись каждодневными утренними пробежками, бесконечными физическими упражнениями и, что самое страшное – уроками танцев, на которых настоял дядя Денни. То что, танцы улучшают координацию и помогают концентрации внимания, для Игната было слабым утешением. Но переборов смущение и плюнув на возможные усмешки, он все же переступил по-

рог центра детского и подросткового развития, со странной просьбой записать его на лето в группу бальных танцев. Там его вначале просто вежливо выставили за дверь, со словами «мальчик – хватит баловаться, и без тебя забот хватает». Лишь когда на стол директора легло письменное разрешение отца, привыкшего к странным просьбам сына, его приняли в группу. С одним условием, найти себе партнершу. И это могло бы стать непреодолимым препятствием, более неразрешимой проблемой, чем упросить отца поставить подпись, если бы не мама Вики. Вика неожиданно серьезно для маленького ребенка отнеслась к проблеме Игнатика. Упросив мать помочь другу, она, однако, ни словом не обмолвилась об истинных причинах его странного поведения. Мать пожала плечами и пообещала помочь.

– Что-то мои детки затеяли, – Мария вглядывалась в тревожившие ее уже которой день графики динамики нарушений репликации ДНК.

– Обычные игры, – пожалала плечами подруга, протянув Марии листки с распечатанными данными. – Вот, полный состав мутагенов, как ты и просила. – Мария кивнула, и в задумчивости отвернулась от монитора, посмотрев в сторону окна.

Лето обещало быть жарким. Жаль, не получилось отправить Вику на море. Ну да ладно, Вика с радостью выслушала новость о том, что остается на лето дома. Конечно, ведь на каникулы приехал Игнатик, пожалуй, единственный че-

ловек, общение с которым вызывало у дочери живой интерес.

– Да, наверное, – вздохнула Мария, встряхнув листки, вглядывалась в таблицы с расплывающимися в глазах данными. – Устала я что-то, – она отбросила полупрозрачные листы с данными и умоляюще посмотрела на подругу. Та улыбнулась и кивнула.

– Иди домой, Мария, я справлюсь.

– Спасибо тебе, – отозвалась та и встала из-за стола, на ходу снимая белый халат. – Ты бы видела, как обрадовалась Вика, когда я сказала ей, что для Игнатика есть пара.

– Да ладно, Мария, – отмахнулась та рукой, – моя дочка сама не своя была, когда оказалось, что на лето останется без партнера и танцев. А тут прямо счастливый случай какой-то, – она протянула руку Марии, – Игнатик твой как снег на голову. Я думаю, у Вики – настоящая детская любовь, и это просто замечательно.

– Да, наверное, ты права, – задумчиво ответила Мария, я и не мешаю их дружбе. Но боюсь, скоро Вика перестанет быть интересна для Игната. Как она переживет это, даже не представляю.

Timber Wolf C15 HRSWS

(снайперская винтовка среднего радиуса действия)

Калибр: 338 Lapua Magnum (8.6x70 мм)

Масса, 8.1 кг

Длина, 1400 мм

Длина ствола, 880 мм

Емкость магазина, патронов – 8

Механизм: ручная перезарядка, продольно скользящий поворотный затвор.

Имеет практическую дальность стрельбы до 1500 метров.

В среде профессиональных стрелков

имело хождение другое название винтовки – «Волчица».

– Успокойся и еще раз повтори про себя, чему я тебя учил.

А затем попробуем сделать выстрел.

Мальчишка судорожно вздохнул, проглотив комок в горле. Предательски тряслись коленки, и дико хотелось сейчас же сбежать, забыв о своей бредовой мечте. Но ноги уже сами несли его к окопчику, прикрытым мешком с песком, и лежащей на нем винтовкой. Начищенный ствол Волчицы отражал лучи солнца, а орехового цвета приклад блестел, словно его только что покрыли лаком. Шумно выдохнув, под ироничным взглядом Даниэля, Игнатик лег у бруствера. Мишень, казалось, находилась где-то за горизонтом, растворяясь в пылевой дымке, поднятой легким ветерком.

«Для стрельбы с упора лежа снайпер занимает огневую позицию, плотно прижав живот к поверхности. Для того, чтобы корпус не заваливало в стороны, ноги прижимаются коленями и стопами к земле и раздвигаются как можно шире. При стрельбе такая позиция позволяет максимально слиться с грунтом, увеличивая площадь опоры. Кроме того,

в боевой обстановке не прижатые к земле части тела увеличивают риск попадания пульей или осколками», – шептал Игнат как молитву выдержки из справочника снайпера, заученного им наизусть, прижимая щеку к холодному прикладу.

– Готов? – Даниэль присел рядом на коленку, чуть наклонив голову, сравнив свой взгляд с направлением линии огня. – Так, хорошо, – он поправил ногу лежащего на животе Игната, так, чтобы она казалась продолжением винтовки и тела. – Почувствуй курок, потренируй ее холостой ход.

Мальчишка дрожащей рукой положил на курок палец.

– В прицел пока не смотри, – пробурчал Даниэль, рассматривая мишень, – оцени цель и реальное расстояние.

– Дядя Денни, – шепотом спросил мальчик, – почему винтовка такая тяжелая?

– Вспомни, чему я учил тебя – балансировка и равновесие, прежде всего. От этого зависит ее точность. Ты обязан сравнивать свой и ее вес. Тогда она не будет казаться тяжелой. Пуля должна уйти туда, куда ты ее и послал, – он грузно развернулся и сел рядом. – Не бойся, винтовка твой друг, – мальчишка кивнул, переведя широкие глаза на смотрящего куда-то в сторону егеря, – главное – она должна понять то, чего хочешь ты. И тогда у вас обоих все получится. Понятно тебе?

– Да, – неуверенно ответил Игнат, и приник к прикладу винтовки.

– Та-ак, хорошо, следи за дыханием.

– Фууу, не могу, – Игнат оторвался от винтовки и уткнулся лбом в приклад, – далеко, дядя Денни, не вижу мишень, пыль мешает.

– А ну-ка присядь, – Даниэль развернул мальчика лицом к себе. – Что ты видишь, когда смотришь в прицел?

– Мишень, трава вокруг нее, деревья, – неуверенно ответил Игнат. Даниэль напряженно молчал и, Игнат, подумав, добавил, – еще я чувствую за спиной тебя, и боюсь не попасть, – казалось, он с усилием выдавил из себя эту фразу, и, Даниэль кивнул, удовлетворенный честным ответом, и положил руку на плечо мальчика.

– Видишь, сколько всего тебя отвлекает. А ты должен видеть только цель, забыв обо всём на свете, и ничто не должно от этого отвлекать. Давай еще раз, сосредоточься, соберись, думай только о мишени. И когда твой взгляд сольется с ней – нажимай на курок.

Игнат, отвернулся от Даниэля, и, перевалившись с коленок, через локоть на живот, занял позицию. Выдохнув, он прижал к себе винтовку, и замер, напряженно вглядываясь в прицел.

Даниэль с улыбкой взглянул на Игнатика, шептавшего одними губами заученные фразы, в который раз подивившись серьезности и настойчивости мальчишки.

«...положение туловища при стрельбе из упора лежа должно быть ровным, исключаящее напряжения и перегибы по условной оси вдоль позвоночника. Помните, что переги-

бы тела могут вызывать нежелательное напряжение мышц, что ведет к нарушению правильности положения рук, затрудняет дыхание и увеличивает разброс при стрельбе. Коррекция направления и дальности стрельбы осуществляется перемещением ног в стороны», – преподаватель читал лекцию монотонно, словно под диктовку, в такт словам передвигаясь взад-вперед по учебной аудитории. После ночной учебной тревоги ему невыносимо хотелось спать, а теплый, уютный класс и размеренный голос офицера делал эту борьбу почти невозможной. Он встряхнул головой, разгоняя туман в голове, и попытался сфокусировать взгляд на конспекте. Лишь после того, как из прикушенной губы пошла кровь, в голове прояснилось, а эхо слов преподавателя стало обретать стройную и осмысленную форму. Сосед слева, видимо, уже прекратил борьбу с усталостью, смешно покачивая головой в такт дыханию. Отвернувшись от заснувшего товарища, он провел ручкой по ладони с четко очерченными линиями, и вспомнилась ему та цыганка на вокзале, что наворожила долгую, но полную невзгод жизнь.

«Странная рука, очень странная, – покачивала она головой, поглаживая старческими, скрюченными пальцами его шершавую ладонь. – Жизнь полная, разная, под руку идущая со смертью. И знаешь, неугомонный, – она подняла свои карие, с острым взглядом глаза на его склоненную голову, – глаза волка у ней».

Даниэль вздрогнул, услышав выстрел, и помотал головой,

отгоняя красочное видение, настолько яркое и свежее, словно только вчера случившееся. Присев рядом с оглушенным от радости мальчиком, он довольно хмыкнул и приник глазами к биноклю. Триста шагов, а пуля вошла почти в десятку, слегка черкнув соседний круг. Удовлетворённо кивнув, он похлопал Игната по плечу.

– Так, давай-ка отдохнём и перекусим, – сдерживая расплывающиеся в улыбке губы, пробурчал он.

Шериф национального парка нервно мерил комнату широкими шагами, даже не подумывая присесть рядом с егерем, который скромно расположился в углу комнаты. Мокрая от пота рубашка прилипла к спине страдающего от похмелья шерифа. Его беззастенчиво выдавали красные пятна на лице, глубокая отдышка, запах перегара и полупустая бутылка минералки.

– Десять случаев нападения. Де-сять, – выпалил он, сделав глубокий глоток. – Помощница шерифа, облаченная в отличие от того, в форму, торопливо стучала по клавиатуре компьютера, стараясь не смотреть в сторону разгневанного шефа. – И никаких следов. Чисто. Он как из воздуха материализуется. Может, он и не волк вовсе? – ляпнул он, но, взглянув на ехидное лицо Игната, наконец, угомонился. – Ладно. Никуда он не денется, всё равно когда-нибудь объявится, – шериф выдохся и сел за рабочий стол перед монитором.

– Вот, – он тыкал пальцем в экран, – никого шума, ни одна

овца даже не вякнула. Тридцать секунд, и все, что нам удалось записать – мелькающая тень, – шериф устало взглянул на Игната. – Да скажи ты хоть что-нибудь, не молчи.

– Засветится он, наверняка. Только прежде всех наших овец передавит, – шериф поскрипел зубами, но смолчал, настороженно ожидая, что еще скажет сын. Игнат подошел к экрану и внимательно всмотрелся в запись.

– Давай-ка еще раз с начала, и помедленнее, не может быть, чтобы ничего в кадре не осталось.

Шериф суетливо прошелся пальцами по клавиатуре и включил запись камер слежения, расположенных по обе стороны загона.

– Стоп, – Игнат сжал рукой плечо отца, – ничего не заметил? – шериф лишь повел плечами.

– Смотри внимательно, тень появляется с интервалом всего в доли секунды, – он показал на таймер расположенных внизу экрана камер в противоположенных частях сарая. – Вот, вот и еще вот здесь. Или он и вправду призрак, или, – Игнат задумался, а в глазах шерифа зажегся огонек интереса.

– Глянь, как умно передвигается, как будто знает, где и как расположены камеры, – присвистнул он и подмигнул вытянувшей в их сторону шею секретарше. – Ума не приложу, как он это делает, – поразился Игнат. Шериф уже понимающе посмотрел на Игната и, проглотив комок в горле, еще раз всмотрелся в экран.

– Да кто это такой, – тихо прошептал Генри и примолк,

тревожно взглянув на Игната. Шерифу казалось, что он с разбегу ударился о стену: происходившая на экране бойня была за гранью его понимания.

Игнат покачал головой, задумчиво и, казалось, по инерции нажимая кнопки ускоренной перемотки. От мелькающих кадров в глазах рябило до слёз. Наконец, он поставил воспроизведение на паузу, и отошел от стола к окну. Потянувшись, Игнат запрокинул ладони за голову и продолжил:

– Не хочу, Генри, тебя расстраивать, – Игнат прищурился, – но волк существует, и, похоже, у нашего поселка большие неприятности.

Шериф не любил когда сын называл его по имени, но сдержался, лишь заскрипев зубами. А Игнат, оскалившись, продолжил, словно получая от своих слов болезненное удовольствие.

– Это далеко не обычный зверь, а умный и изворотливый хищник. Я таких еще не встречал, – он помахал головой. – И он не оставит нас в покое, пока не передавит весь скот.

Генри нервно почесал щеку. Игнат незаметно усмехнулся и, обойдя стол, подошел к карте заповедника.

– Я больше скажу, – Игнат постукивал костяшками пальцев по разноцветному гляncу заповедника, – он почувствовал нашу слабость, – взгляд шерифа заметался, мысль о неизбежной отставке и увольнении представлялась ему все реальнее. – А ведь ты, Генри, даже представить себе не можешь, что может натворить хищник, который почувствовал

отсутствие соперника, полностью уверенный в своей безнаказанности.

На лбу шерифа выступили крупные капли пота.

– Что будем делать? Сын, – после короткой заминки, выдал из себя Генри.

– А ничего, пока, – ответил Игнат, сделав ударение на слове «пока», и повернулся к отцу, – нужно посоветоваться с одним человеком. Думаю, лишняя помощь нам не помешает. Ты как считаешь, отец? – усмехнулся он.

– Что, без него никак? – проскрипел зубами Генри.

– Никак, все равно лучше него заповедник никто не знает.

– Как знаешь, но я бы на твоём месте...

– Ладно отец, – Игнат прервал Генри, похлопав того по спине, – да не волнуйся ты так, – он ехидно улыбнулся, – я прекрасно знаю, что мне делать, ты только не мешай, договорились? – Генри в ответ лишь хмуро кивнул. – Вот и славно. Пожалуй, – он чмокнул покрасневшую помощницу в щеку, – мне пора. Буду держать тебя в курсе дел.

– Угу, – проворчал Генри, уже после того, как Игнат вышел. – Иди, иди. Советуйся.

Вольф в предвкушении сытного обеда наблюдал за тем, как хозяин разделывает очередного, брыкающего хвостом по столу, сазана. Запах потрохов обволакивал голову, заставляя когти непроизвольно втягиваться и вытягиваться в предвкушении небывалого пиршества. Печка уже растопилась, за-

полонив двор дымом. Вольф, дождавшись всплеска очищенной рыбы в огромном, на половину печки, котле, предпринял попытку приблизиться к столу. Даниэль, с закатанными по локоть и испачканными в крови руками, аккуратно разбирал содержимое потрохов. Сегодня Вольфу достанутся алые жабры, жир и, видимо, не совсем понравившаяся Даниэлю часть печени. От созерцания ароматных внутренностей Вольфа отвлекло знакомое движение у забора, и он, забыв об источающей дурманящие запахи печени, бросился к калитке, в три прыжка оказавшись на столбе. Кот потерял мордой о плечо стоящего за оградой Игната и призывно мяукнул в сторону увлеченного своим занятием хозяина. Игнат оперся локтями о забор, молча ожидая, когда же, наконец, дядя Дэнни его заметит. Тот и носом не повел, окутанный дымом печки и паром варева. Усмехнувшись, Игнат перегнулся через калитку и, отодвинув засов, зашел во двор, держа на руках довольно урчавшего Вольфа.

– И почему ты всегда на улице варишь? – не зная как завести разговор, спросил он, поглаживая кота.

– Ну, ты ж знаешь, дым и свежий воздух – лучшие кулинары. Какими судьбами? – отозвался Даниэль, тщательно оттирая полотенцем кровь от пальцев, – случилось чего? – Даниэль откинул тряпку в сторону, и кивнул в сторону стола. – Садись, поедим. Голодный? – Игнат кивнул и отправился к уличному умывальнику помыть руки.

– Как Вика?

– Хорошо, – отозвался Игнат, усердно стуча носиком умывальника.

На душе полегчало от накативших, уже позабытых, таких родных запахов и звуков. Он вдруг понял, что очень соскучился по ворчанию Даниеля, обормоту коту, старой печке и умывальнику.

– Чего хмурной такой? Рассказывай, – сказал Даниель, расставляя тарелки.

– Да не знаю еще точно, – ответил Игнат, разливая уху по чашкам, – что-то происходит в тайге.

Под столом Вольф громко уплетал ароматные жабры, отложив в сторону самое вкусное – долгожданную печень.

– Зелень бери, – Даниель насыпал в свою чашку укроп, перемешанный с мелко порезанным зеленым луком, и неожиданно поймал себя на мысли, что рад появлению Игнатика. И всё. Никаких других эмоций. Одна тихая радость, и ощущение убаюкивающего спокойствия и тепла от того, что рядом сидит взъерошенный парень, который когда-то ворвался в его жизнь. Оказался на пороге его дома и сам того не понимая, вытянул Даниеля из пучины тоски и одиночества.

– Лес изменился, дядя. Какие-то мелочи, детали, едва уловимые нестыковки, – Игнат, задумавшись, повернул голову в сторону, монотонно вода ложкой в тарелке.

– Ты есть будешь? – проворчал Даниель с набитым ртом. Аппетитом Игнат похвастаться явно не мог. Да и не уху пришел он есть.

– Послушай, дядя, – Игнат откинул ложку в сторону, – про нападения на овчарни знаешь? Вот. Но это не всё. Мне трудно сейчас объяснить тебе, но я кожей чувствую, что и в лесу беспокойно. Выводок оленей напуган, лисы осторожничают, носу из-за ручья не показывают, кабаны и те попрятались. Еще и отец насел, во всем винит меня, чувствует, что под задом горячо становиться, вот и мечется. – Он примолк, и, плесканув в рюмку водки, хлопнул ее одним глотком. Поморщившись, он прищурился, ожидая ответа Даниэля.

– Хватит тебе на отца бочку катить, тут разобраться нужно, – Даниэль задумался.

– Седой Джо, – присмирившим голосом, словно выдохнувшись, добавил Игнат, – притих, неделю как не слышно. Забился в свою берлогу. Чует опасность в лесу. А отец не понимает этого. Сейчас у него одни овцы на уме. А я точно знаю – бесполезно усиливать охрану сараев, угроза идет из тайги, вот где нужно искать. Что происходит, дядя Дэнни? – Даниэль внутренне напрягся.

«Дядя. Дэнни. М-да, дело совсем плохо, если он так ко мне обращается», – подумал он.

Игнат, хоть и не показывал виду, был явно в отчаянии.

«И что он молчит, старый пень. Зря я послушался Вику. Состарился дядя. Что он может подсказать мне. Десять лет из своей берлоги не выползает», – подумал Игнат, собираясь уже встать из-за стола.

– В тайге чужой, Игнат, или чужие. Но что-то не залади-

лось у него в тайге – вот он и вышел на людей. Нужно понять, что происходит в лесу, а Генри пока не понимает этого. Коротче, не знаю я пока, информации мало, – Даниэль поднял тяжелой взгляд на Игната и тот, похолодев, пожалел о своей секундной слабости, вспомнив под его взглядом того самого дядю Дэнни, егеря национального парка, без разрешения которого не то что звери не охотились – птицы не летали. – Объедем заимки и осмотрим ручей. И покажешь мне места, где нашли трупы. Приготовь лошадей, Игнат, завтра с утра выдвигаемся.

Игнат кивнул, неожиданно почувствовав себя десятилетним мальчишкой, и потянулся за отброшенной ложкой.

– Почему с тобой всегда так сложно, дядя? – спросил Игнат с полным ртом. – Сколько раз заставлял на себя обижаться, ты же мог быть со мной немного помягче, – он покачал головой, зачерпнув ложку жирной ухи.

– Я твоя совесть, Игнат, а с совестью всегда неприятно иметь дело. Ты ешь давай, и хватит разговоров.

– Скучал по мне, – поговаривал Даниэль, похлопывая жеребца по загривку. Тот довольно фыркал, услышав знакомый голос.

– Помнит меня, – Даниэль повернулся к Игнату, скрестившему руки на груди. Забавно было наблюдать за оживленным старым егерем, который вернулся в родную стихию.

– Еще бы, – ответил Игнат, закрывая ворота открытого

загона. – Он тоже постарел, дядя Дэнни, но, думаю, для спокойной поездки он еще годен, а мальчик?

Жеребец довольно заржал и, стукнув копытом, поднял облачко пыли.

– Ну, вот и хорошо, – Игнат повеселел, положив руку на плечо Даниэлю. – Запрягай, дядя, прокатимся.

Перевалив за широкую гриву, отделяющую широкую речную дельту от леса, Даниэль решил сделать привал. Тяжеловато спрыгнув с жеребца, он отдал вожжи Игнату и подошел к берегу. Чуть выше по течению в реку впадал ручей, закручиваясь в широкой заводи воронками, с причудливыми рисунками. Даниэль прошелся вдоль берега и остановился у устья ручья. Присев на корточки, он зачерпнул в ладонь воды, распугав пронырливых мальков.

– Тиной пахнет, – он прополоскал рот и сплюнул на землю. Вода в ручье была холодна и удивительно прозрачна, открывая взгляду мельчайшие детали дна. Распуганные мальки тем временем покружившись в стороне, на глубине, несколькими стайками вернулись к теплой, прибрежной воде.

– Болота, – отозвался Игнат, отпустив брыкающихся коней к воде.

– Точно, – согласился Даниэль, – давно я не пробовал этот вкус.

– Все реки пахнут тиной, – Игнат присел рядом, краем глаза следя за водопоем коней, – но в этот сезон запах осо-

бенно резкий, – он покачал головой. – Снежная зима, дядя. Уж не припомню такого, чтобы в болотах скопилось столько воды. Вся дельта, – он обвел взглядом реку, – заболочена.

– Достань-ка карту, – попросил Игната Даниэль. – Покажи, где мы находимся.

Игнат достал из рюкзака новенькую крупномасштабную карту и разложил ее на траве. Аккуратно примяв локтем ее пузырящиеся части, он достал из нагрудного кармана маркер.

– Сейчас мы здесь, – он сделал отметку, чуть повыше Жемчужного озера. В масштабе получилось около километра. – Озер, – он обвел неровный синий круг на карте, – считай, уже нет – сплошные болота. Но сигнальные маяки я по периметру все же оставил, – Даниэль утвердительно кивнул головой. – В принципе, толку от них немного, но они замыкают цепь, закрывая весь участок, от реки до водопада. С другой стороны лес ограничен горами. Ну, и здесь, – он показал пальцем на населенный пункт, – посёлок. У ангаров дежурят мои люди. Так что никуда он не денется, если конечно, не умеет летать, – Игнат довольно ухмыльнулся, и взглянул на Даниэля, ожидая, что тот ответит.

– Через болота путь ему тоже заказан, – задумчиво ответил Даниэль. – Остается ручей, по нему он пробирается в тайгу. Там и надо делать засаду. Ты же, надеюсь, хорошо знаешь эти места?

– Еще бы, – хмыкнул Игнат, – еще с детства, помнишь?

Мэри мерила шагами комнату Даниэля, приложив ладонь ко лбу, не пытаясь даже скрыть свою злость.

– Да как тебе вообще взбрело в голову тащить детей на свой сраный тир, – Мэри в сердцах тыкала пальцем в Даниэля, сидящего в кресле с отсутствующим видом. – Даниэль, да половина посёлка знала о твоём стрельбище в заповеднике. Никто просто не хотел связываться с тобой. Но сейчас ты переступил грань. И чем ты думал!? – ее голос почти срывался в истерику. – Какой же я была душой, когда позволила им общаться с тобой. Да что говорить тебе об этом, – махнула она в сердцах рукой, – всё равно, что об стенку горох.

Мэри села на стул, и закрыв лицо руками, заплакала.

– Ты же сам как ребенок. Я-то верю тебе как себе. Но что другие подумают, – продолжала всхлипывать она. – Ты не понимаешь – тебя же выдворят отсюда. Пока что Генри закрывал глаза на твои шалости. О да, конечно, он ведь восхищается тобой. Еще бы, такой подарок судьбы, профессиональный охотник, ветеран, снайпер, где же он еще такого егеря найдет. Но что, если он узнает, что ты таскаешь на полигон его сына, и учишь, – она поперхнулась, – стрелять? – Мэри подошла и села на колени у ног нахмурившегося Даниэля. – Ну, что с тобой происходит. Не молчи, ответь хоть что-то, – почти взмолилась она, вытирая слезы.

– Не знаю, Мэри, – Даниэль поднялся, ухватив ее за подмышки. Обняв за плечи, он слегка встряхнул ее и посмотрел

в глаза, наполненные влагой. – Ну, не мог я, глядя в его горящие глаза, отказать, Мэри. Всё началось как шутка. День за днем я наблюдал за ним. Казалось, всё, он не выдержит, откажется. Я видел, как он давит в себе слёзы обиды, но наступило следующее утро, и он снова стоял на пороге, в ожидании тренировки. Удивительное упорство. И когда настал момент взяться за оружие, я просто не смог ему отказать. Наверное, я старею, и становлюсь сентиментальным. Возможно, я не всегда прав, потакая детям. Но никогда, слышишь, никогда, я не позволил бы, чтобы с ними что-нибудь случилось. Обещаю тебе, что я уберу, спрячу «Волчицу» в самый дальний угол и больше никогда ее не достану.

– Себя ты в нём увидел – вот и весь ответ, – Мэри всхлипнула, отбросив его руки. Притихнув, она отошла к окну, и, ухватившись за спинку стула, устало склонила голову.

В тишине, прерываемой лишь шмыганьем Мэри, вдруг шумно хлопнула входная дверь. На пороге стоял растрепанный Генри, с растерянным видом переводящий взгляд с Мэри на Даниэля.

Присутствующие разом повернули в его сторону головы.

– Дети пропали, – хрипло произнес он.

Мэри, вытерев слезы, медленно села, почти сползла на стул, и, словно очнувшись, громко охнула. Генри после короткой заминки, резво, по-военному, повесил куртку со знаками шерифа на вешалку и, по-хозяйски пробравшись на кухню, набрал стакан воды. Жадно проглотив воду, он вытер

подбородок рукавом и, подхватив стул, сел рядом с Мэри.

– Вы все в гроб меня хотите свести, – прошептала она не своим голосом.

Генри занес руку над Мэри, пытаясь приобнять ее, но передумал, взглянув на покачивающего головой Даниэля.

– Игнат с Викой с утра собрались в парк, – запальчиво сказал он, покосившись на Даниэля, всем видом показывающего ему, чтобы он выбирал выражения. – Я разрешил, он не в первый раз отпрашивается, но, всё же забил в его навигаторе координаты местности. А час назад я заметил, что связи с ними нет. Телефон Вики, – продолжил Генри, боясь посмотреть в сторону Мэри, закрывшую уши руками, – тоже не отвечает, даже и не знаю, что теперь думать.

– А что тут думать, одновременно телефоны из строя у них не могли выйти, – Даниэль оборвал невнятный лепет Генри, и Мэри с надеждой подняла на него красные от слёз глаза. – Телефон Игната, во всяком случае, точно. У него мой навигатор, профессиональный. – Генри кивком головы согласился, успокаивающе взглянув на Мэри. – Он ни влаги, ни ударов не боится, скорее всего... Где пропал сигнал? – спросил он у Генри.

Тот, засуетившись, достал свой навигатор, слегка поколдовав на нем, развернул экран в сторону Даниэля.

– Они прошли Изумрудное озеро, в полдень вышли к Скалистым горам. Там сигнал и пропал, – пролепетал Генри. – Спасателей я уже вызвал, они займутся прочесыванием гор.

Но я даже представления не имею, сколько у них на это уйдёт времени.

– Так, – задумчиво произнес Даниэль, – значит, на связи их нет примерно два часа. Скорее всего, дети забрались в пещеру, – Мэри, сдерживая крик, закрыла рот рукой, – потому сигнал и пропал.

Генри, не выбирая выражений, выругался, забыв о присутствующей Мэри. Выдохнувшись, он посмотрел на нее, но испугавшись ее почти ненавидящего взгляда, отвел глаза в сторону.

– У вас у обоих совсем, что ли мозги отсохли? – словно опомнившись, металлическим голосом произнесла она. – Там же сотни пещер, как мы теперь найдем их?

– Кажется, у меня есть идея, где они могут быть, – вздрогнул от вскрика Мэри Даниэль, – сейчас, подождите. Думаю, нам не придётся долго лазить по этим чёртовым Скалистым горам.

«Но лучше бы, я был не прав», – мрачновато подумал он, подошел к комоду, и поочередно, выдвигая ящики, торопливо переворачивал их содержимое.

– В любом случае, пока с ними не произошло ничего страшного. Игнат подготовлен к такому повороту событий – если он поймёт, что заблудился, то будет ждать помощь на месте. И, – Даниэль, оторвавшись от поисков, ткнул пальцем в сидящую парочку, – не шелохнется с места, потому что это правило я железно вбил парню в голову.

Генри, побагровев, попытался приподняться, но Даниэль остановил его жестом, не терпящим возражений. – Сядь Генри, не до ссор сейчас. Нам всем нужно успокоиться и собраться с мыслями.

Пока Генри суетился со стаканом воды вокруг Мэри, Даниэль продолжал обыскивать шкаф, и, не найдя того, что искал, задумчиво почесал лоб, кляня про себя свою забывчивость.

– Что ты там ищешь? – спросил подошедший Генри.

– Пока еще не знаю, но сейчас, если ты не будешь мне мешать, – Даниэль раздраженно отмахнулся от него, – я попытаюсь понять, где сейчас находятся дети.

Генри, слегка обидевшись, отошел в сторону, и, достав телефон, в очередной раз набрал службу спасения. Даниэль, подавив приступ злости, отвернулся от него, сосредоточившись на поисках.

– Что значит «мы делаем всё возможное»? – разорялся Генри, пытаясь перекрыть голос диспетчера. – Делайте больше! Труднодоступная местность? Не говорите мне о сложностях, я шериф парка, и прекрасно знаю все ваши дежурные отговорки.

– Даниэль, что ты делаешь? – подошедшая Мэри уцепила его за рукав, пытаясь заглянуть за его плечо.

– Да где же она, – выдохнул он. – Чёрт, ну, точно, – Даниэль замер, окончательно утвердившись, в своей догадке. – Вот оболтус. Подожди, только найду тебя, – обреченно про-

шептал он.

Мэри развернула Даниэля к себе, вцепившись в плечи.

– Что случилось? Говори, не молчи, я же вижу, что-то произошло, – прошептала она, требовательно посмотрев в его глаза.

– Нам пора, – ответил он, искоса наблюдая за ругающимся Генри. – Нужно собираться, Мэри, – он встретился глазами с ее взглядом. – Я точно знаю, где дети.

В жизни каждого настоящего мальчишки наступает время, когда его обуревают неистовое желание найти зарытый клад.

(М. Твен. Приключения Тома Сойера.)

– Давай быстрее, – Игнат протянул руку цепляющейся за край уступа Вике. – Ну чего ты копаешься, зря, наверное, я взял тебя с собой.

– Вот и ничего не зря, – обиделась она, шмыгнув чумазым носом.

Встав на четвереньки, дети с высоты утеса обводили взглядом парк. Так высоко они еще не забирались, и от одной только этой мысли захватывало дух. Виды шумящих водопадов и высоких сосен, тянувшихся ровной стеной вдоль разрезающих заповедник рек, отражались в блестящих от охватившей их радости глазах детей. Они взирали с раскрытыми ртами на открывшуюся во всё великолепии дикую красоту заповедника, совершенно забыв о долге, утомительном

подъеме. И лишь сейчас, когда они уже забрались на гору, до Игната дошло, как высоко они находятся. До земли было не меньше ста футов; только с вершины можно было понять, как до нее далеко. Мысль напугала Игната, но азарт и детская любознательность перевесили чувство страха.

Вдоволь насмотревшись на красоты парка, дети все же решили двигаться дальше по тропе, указанной на карте. Игнат, скрестив ноги, сел на пыльную дорогу, достал свой телефон и нашел файл со снимком карты, которую тайком утащил у дяди Денни.

– Это где-то здесь, Вика, – Игнат пальцами увеличил изображение на экране, наложив его на карту местности, – не зря дядя Денни пометил эту дорогу на карте. Пещера должна быть в конце тропы, – навигатор пискнул, отсчитав расстояние до цели.

– Давай, Вика, поднимайся.

Девочка с сожалением оторвалась от созерцания захватывающей высоты, и, уцепившись за куртку Игнатика, поднялась с коленок.

– Идем, – со вздохом произнесла она. – А долго нам еще идти?

– Не знаю, – покачал он головой, – не думаю. С километр, может и того меньше. Там видно будет. Главное не сходить с тропы, ты меня поняла?

Вика торопливо закивала, отряхивая пыль со своего спортивного костюмчика.

– Ну, вот, – захныкала она. – Мама купила его мне школу, а я уже его порвала, – она протянула Игнату рукав с оторванным лоскутом ткани.

– Потом купим тебе новый, – нетерпеливо ответил он и потянул Вику за руку.

Она, упираясь, непослушно зашуршала ногами по пыльной дороге, но Игнат уже не замечал ее девичьих капризов, крепко держа Вику за руку. Взгляд его был устремлен наверх, вдоль тянувшейся серпантином горной дороги, на вершину ущелья, к заветной цели. Так они и шли, за ничего не значащими разговорами и не заметив, как подошли к пещере. К той ее части, что была завалена осыпавшимся валуном.

– Игнатик, я устала, – заканючила она, теребя рукав его куртки.

Игнат не глядя, стряхнул ее руки, прошептав одними губами:

– Это она, Вика, – он на четвереньках заполз по камням к своду засыпанного входа, и, нагнувшись, посмотрел в небольшую щель, оставшуюся от завала. – Вика, заползай.

Вика вздохнула, поправив рюкзачок, и, взглянув на балансирующего Игната, поползла наверх, нашептывая в такт стихок:

«Humpty dumpty sat on a wall,
Humpty Dumpty had a great fall.
All the king's horses,
And all the king's men,

Couldn't put Humpty together again».

– Что ты шепчешь? – спросил, обернувшись, Игнат.

– Ничего, – отозвалась Вика, прикусив язык. – Что там? – спросила она, поскользываясь на камнях, с шумом ускользающих вниз, к подножью горы.

– Смотри, – торжественно ответил Игнат и посветил фонариком в щель пещеры.

Дети вдвоем всматривались в узкую щелку свода пещеры, пытаясь угнаться взглядом за тусклым светом фонарика. Жадный луч света ворвался в темноту, словно этого только и ждал. Круглое светлое пятно скользило по черным стенам грота, без особых примет, пока не отразилось ярким блеском в каплях воды, падающих с потолка пещеры. Они стали дружно откидывать валуны в сторону, позабыв об усталости и голоде. Постепенно вход пещеры наполнился светом, открыв перед ними захватывающую картину.

– Что это, дядя Денни? – спросил Игнат, жуя бутерброд.

– Это, – Даниэль почесал затылок, раздумывая, как по-проще растолковать мальчишке, – карта заповедника.

Карта выглядела довольно старой: желтоватый, местами потрескавшийся материал, на ощупь – допотопная бумага, которую теперь можно встретить разве что в музеях.

– Вернее местности, на которой сейчас разбит парк. Карта старая, принадлежала одному из местных старателей. С указанием всех действующих на тот момент шахт, и доволь-

но подробными геологическими примечаниями, – Игнат вопросительно вздернул бровь, и Даниэль уточнил, – залежей полезных ископаемых.

– Золотые рудники? – переспросил Игнат.

– Точно, – согласился Даниэль. – Раньше здесь обитали племена индейцев Кри и Атапаски, – продолжил он. – Вот здесь, здесь и здесь, – Игнат внимательно следил за перемещающимся по карте пальцем дяди Денни, – находились их стоянки, пока всё коренное население не согнали в резервации, – Игнат перевел на него непонимающий взгляд, на что Даниэль лишь махнул рукой. – Не важно, как-нибудь потом расскажу, грустная это история.

– Угу, – мальчик задумался. – Дядя Денни, – Игнат со скрещенными на груди руками перевалился через стол, стараясь получше рассмотреть карту, – что означают эти пометки?

– Хм, – егерь хитро прищурился, – а это самое интересное. Вот, смотри внимательно, видишь, знак громовой птицы? – Игнат кивнул, и почти с животом залез на стол. – А здесь, смотри, знак гризли. И, чуть дальше, у ручья, видишь, знак волка.

– Что эти знаки означают? – мальчик со всей серьезностью взглянул на Даниэля, заставив того от смущения прокашляться, удерживаясь от того, чтобы не улыбнуться. Настолько у мальчишки был озадаченный вид.

– Тотемные знаки, столбы. Тотем символизировал гор-

дось семьи за своих предков, ведущих свою родословную от этих священных животных.

– Волк священное животное? – удивился Игнат.

– Индейцы, Игнат, верили, что в старые времена волк был человеком, но в наказание был превращен богами в зверя, – ответил Даниэль. – С тех самых пор индейцы почитают волка как посланника духов смерти.

– За что же он был наказан? – озадаченно спросил Игнат.

– Он объявил себя равным богам, отказываясь приносить им жертвы. Разгневанные боги превратили упрямого человека в волка, предначертав ему судьбу вечной охоты. Вот почему Кри поклонялись волку, считая его добычу священной – жертвой, предназначенной богам. Убить волка означало наложить проклятие на свой род. Почитая его, индейцы ставили тотемные столбы в местах своей стоянки, как обереги от капризов богов и талисманы к удачной охоте. А охота, Игнат, для индейцев была не просто способом добычи пропитания, а образом жизни, определяющим их менталитет, верования и мышление. Они жили охотой.

Глаза мальчишки горели, замороженные рассказом Даниэля.

– Но особо они поклонялись золотому волку, спрятанному ими в одной из пещер Скалистых гор. Каждый день равенства самые достойные из родов индейцев несли к его лапам золото и драгоценности, пытаясь таким способом умиловить духов смерти. И вот так, из года в год, столетиями,

индейцы верой и правдой служили своему волчьему богу. А потом случилась война между племенами волков и гризли. С переменным успехом чаша весов склонялась то в одну сторону, то в другую, пока, наконец, волки не потерпели окончательное поражение, и ушли на юг. Теперь их называют Апачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.